

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-823-836

Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: «жесткие» и «мягкие» элементы

Х. Джаббари Насир, Б.Х. Бахриев

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

Статья посвящена анализу силовых и несиловых элементов в антитеррористическом подходе Ирана на современном этапе. Авторы утверждают, что борьба с терроризмом сегодня требует комплексного подхода, и хотя силовой подход всегда преобладал над «мягкими» инструментами в реализации антитеррористических стратегий государств, в реалиях нынешнего мира без учета психолого-идеологического элемента борьба с террористами не может быть успешной. Универсальной модели соотношения этих двух компонентов не существует, поскольку в данном контексте все зависит от специфики страны или региона, но необходимость учета несиловых аспектов становится все актуальнее.

Иран является активным игроком в борьбе с международным терроризмом, но у этой страны нет единого документа или конкретной стратегии, где определялись бы особенности использования жестких и мягких инструментов в данной борьбе. Силовой элемент антитеррористического подхода Ирана на современном этапе явно преобладает над несиловым компонентом, о чем говорит активное силовое участие в решении сирийского кризиса, поддержка различных военных группировок, которые борются с радикальными течениями в регионе и жесткая политика в отношении наркоторговли, которая является важным источником доходов для экстремистских формирований.

«Жесткий» подход к борьбе с терроризмом приводит к физическому уничтожению террористов, но их идеи оказываются живучими, что в нынешнем веке развития инфокоммуникационных технологий актуализирует вопрос использования «мягких» инструментов в антитеррористической стратегии. В борьбе с терроризмом в данном измерении Иран прибегает к своей «мягкой силе» и публичной дипломатии. Активно используются потенциал культурных, духовных, научно-образовательных институтов и возможности информационных ресурсов, чтобы сформировать правильное понимание ислама и его позитивный образ, делегитимировать и деконструировать нарративы радикальных исламистов.

Ключевые слова: терроризм, религиозный экстремизм, борьба с терроризмом, инструменты борьбы с терроризмом, «мягкая сила» и публичная дипломатия, «мягкая сила» в борьбе с терроризмом, публичная дипломатия в борьбе с терроризмом, публичная дипломатия Ирана, «мягкая сила» Ирана

ВВЕДЕНИЕ

Современный терроризм стал серьезным вызовом не только для глобальной безопасности, но и, можно сказать, для человеческой цивилизации в целом. Этот сложный социально-политический феномен пока не поддается должному теоретическому осмыслению ввиду своей гибкости, постоянной трансформации своих методов, идеологических мотивов и деструктивных практик. Названные факторы

наряду с рядом других причин приводят и к определенным трудностям в практической борьбе с данным явлением, что делает выработку комплексной антитеррористической стратегии со стороны государств мира и международного сообщества в целом архиважной задачей.

Большой набор современных антитеррористических средств и методов, так или иначе, связан с жестким, силовым противодействием. Однако остается еще один важнейший фронт антитеррористической борьбы, как должным образом не освещаемый на теоретическом уровне, так и не особо выделяемый в практической работе. Его профессор МГИМО М.М. Лебедева называет психолого-идеологическим компонентом антитеррористической деятельности, «мягкой» борьбой «за умы и сердца тех, кто оказался среди сочувствующих террористам или может еще начать симпатизировать им»¹. Другими словами, если представить терроризм в виде пирамиды, то на ее вершине будут располагаться лидеры террористов и относительно небольшое число их сподвижников — группа людей, которая в принципе не откажется от пути насилия. Но по мере того как мы «спускаемся ниже», картина меняется: мы встречаем большую массу людей, не особо склонных к насильственным действиям, но недовольных и потому уязвимых перед идеологией экстремистов. Именно с этими людьми, которые в основном представлены молодым поколением, надо работать с помощью «мягких» инструментов для предотвращения их радикализации.

Универсальной практической модели наилучшего сочетания «жесткого» и «мягкого» подходов в антитеррористической борьбе, конечно, не существует; все зависит от страновой или региональной специфики. И особенно остро данная проблема стоит перед странами, находящимися в регионах террористической активности и регулярно сталкивающимися с этими деструктивными элементами.

Одной из таких стран является Иран, который расположен в регионе, непосредственно граничащем с зоной активных действий террористов. Иран сталкивается с растущими вызовами со стороны экстремистов и их вредной идеологии на своей территории. Являясь одним из активных игроков в борьбе с названными вызовами, Иран в этом деле пытается использовать не только классические силовые методы, но и «мягкие» инструменты, например, свою «мягкую силу» и публичную дипломатию. Это делает потенциал и опыт Исламской Республики в борьбе с терроризмом, особенности соотношения «жесткого» и «мягкого» компонентов ее антитеррористического подхода на современном этапе актуальной темой исследовательского анализа.

Говоря об *антитеррористическом подходе Ирана*, авторы исходят из специфики иранского понимания феномена *терроризм*. Наряду со многими странами мусульманского мира Иран не признает в качестве террористических военизированные палестинские и некоторые другие формирования в регионе, считая их освободительными движениями и борцами за справедливость.

¹ Лебедева М.М. Три элемента борьбы с терроризмом // Портал МГИМО. 21.12.15. URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/tri-elementa-borby-s-terrorizmom/> (дата обращения: 21.06.2018).

«ЖЕСТКИЙ» КОМПОНЕНТ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ИРАНА

Иран, обладая рядом геополитических преимуществ, исторической, культурно-религиозной специфики, является одним из ключевых государств региона Ближнего и Среднего Востока. Соседство этого государства с очагами нестабильности — такими государствами, как Ирак, Сирия, Афганистан, Пакистан и близость к зоне активной деятельности таких транснациональных террористических групп, как ИГ², «Аль-Каида»³, «Талибан»⁴, ставит Иран в авангарде международной антитеррористической борьбы [Джаббари Насир 2016]. Несмотря на вызовы со стороны деструктивных нетрадиционных акторов, Ираном еще не принят специальный документ, стратегия или доктрина, четко определяющий рамки борьбы с терроризмом или обеспечения безопасности в целом. Такое состояние дел часто критикуется как иранскими исследователями, так и практиками [Хаджиюсефи, Багири 2011].

Антитеррористический подход Ирана на современном этапе представляется классическим государствоцентристским подходом с сильной ролью государства и преобладанием *жестких силовых* компонентов. Это можно объяснить стремлением Ирана к предотвращению влияния религиозного экстремизма на своей территории, которая, по мнению исследователей, в идеологии современных террористов на Ближнем Востоке рассматривается как часть будущего *халифата*⁵. В этом же утверждении можно найти и исламское обоснование применения «жесткой силы» против террористов. В исламском праве применение *силы/насилия* одобряется только против преступников, в случае самообороны и защиты своего отечества [Джаббари Насир 2017].

Репрессивными методами борьба ведется не только с самими террористами, но и с теми преступными элементами, которые так или иначе с ними связаны. Так, одним из важных направлений иранского подхода является борьба с наркоторговлей, значительная часть прибыли от которой направляется на финансирование терроризма и незаконного оборота оружия. Данную связь в контексте Ирана выявило исследование иранских специалистов, показавшее, что огромный объем денежных средств, полученных от продажи наркотиков, легализуется на территории Ирана, потом разными путями попадает к экстремистским группировкам [Сахраян 2004]. На этом фоне логично, что антинаркотическая политика Ирана как часть более широкой антитеррористической стратегии отличается крайней жесткостью в отношении наркоторговцев. Такая политика, с одной стороны, критикуется международными правозащитными организациями за применение смертной казни в качестве наказания, а с другой — объясняет высокую эффектив-

² Организация запрещена в РФ.

³ Организация запрещена в РФ.

⁴ Организация запрещена в РФ.

⁵ См.: Crowley M. Khorasan: Behind the Mysterious Name of the Newest Terrorist Threat // Time. September 25, 2014. URL: <http://time.com/3430960/obama-isis-khorasan-terrorism/> (accessed: 21.09.2018).

ность антинаркотической деятельности Ирана, который стабильно занимает лидирующее место в мире по конфискации наркотиков. По статистике ООН, эта страна ценой жизни большого числа личного состава своих силовых органов ежегодно пресекает трафик и конфискует более 75% мирового оборота опиума, более 25% героина и морфина⁶.

Проблему терроризма и экстремизма Иран пытается решить и в сотрудничестве с другими государствами. Так, первое соглашение по вопросам безопасности и борьбы с терроризмом Иран заключил с Грецией еще в 1994 г. Аналогичные договоры в разное время были заключены с некоторыми странами Европы и региональными соседями Ирана — с Саудовской Аравией (2001 г.), Турцией (2008 г.), Афганистаном (2009 г.), Таджикистаном и Пакистаном (2014 г.), Россией (2015 г.) и другими [Джаббари Насир 2016].

В концептуальном отношении важным представляется соглашение о сотрудничестве в сфере борьбы с оборотом наркотиков, организованной преступностью и терроризмом между Ираном и Турцией. Соглашение стало первым международным договором Ирана, в котором термину *терроризм* дается четкое определение. Ранее в иранском внутреннем законодательстве, правовом и уголовном лексиконе использовалось понятие *мухарибе*. Названное соглашение определяет *терроризм* как «угрозу насилия или его применения для оказания давления на государства или его органы в целях создания атмосферы всеобщего страха, достижения политических, также экономических целей»⁷.

В рамках соглашения стороны договариваются об обмене информацией по террористическим группировкам, их методам деятельности, о гармонизации внутреннего законодательства в названной сфере для повышения эффективности совместной антитеррористической деятельности и улучшения координации в этой области.

С соседним Афганистаном антитеррористическое сотрудничество Ирана опирается на соответствующее ирано-афганское соглашение от 2007 г., которое обязывает стороны бороться с терроризмом и его финансовыми источниками⁸. В аналогичном ирано-пакистанском договоре от 2015 г. помимо названных в ирано-афганском соглашении направлений сотрудничества предполагается развитие сотрудничества по линии международной полиции Интерпол и правоохранительных органов двух стран в определении, преследовании и уничтожении группировок, деятельность которых сторонами признана террористической⁹.

⁶ UNODC World Drug Report 2014. URL: <http://www.unodc.org/wdr2014/> (accessed: 18.06.2018).

⁷ Соглашение о сотрудничестве в сфере борьбы с оборотом наркотиков, организованной преступностью и терроризмом между Ираном и Турцией от 2008 г. (на перс. яз.). URL: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/790230> (дата обращения: 15.09.2017).

⁸ Соглашение между Ираном и Афганистаном о сотрудничестве в борьбе с наркотрагвлей, организованной преступностью и терроризмом от 29.12.2009. (на перс. яз.). URL: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/788979> (дата обращения: 15.06.2018).

⁹ Соглашение о сотрудничестве в области безопасности между Ираном и Пакистаном от 05.05.2014. (на перс. яз.). URL: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/886141> (дата обращения: 18.06.2018).

С Россией Исламская Республика Иран в январе 2015 г. заключила еще одно соглашение о военном сотрудничестве. Представляется, что на фоне развития правовой основы взаимодействия между сторонами развивается и практическое сотрудничество между ними, что особенно заметно в решении сирийского кризиса и антитеррористической деятельности.

Возникновение феномена ИГИЛ в непосредственной близости от границы Ирана и создание этой террористической группировкой своего квазигосударства на территории ближайших союзников Ирана — Сирии и Ирака, потребовало от Исламской Республики активного участия в борьбе с терроризмом на сопредельных территориях. Иран сотрудничает с Ираком и оказывает значительную помощь сирийским правительственным войскам в борьбе с террористами. По мнению иранцев, до начала бомбардировок ВКС России позиций ИГИЛ именно помощь Ирана спасала сирийскую правительственную армию от катастрофических поражений¹⁰. В мае 2017 г. Иран заявил о своем намерении увеличить свое военное присутствие в лице военных советников в Сирии, хотя специалисты утверждают, что иранцы в Сирии представлены не только военными советниками. Там работают армейские спецподразделения и спецназ Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) — знаменитый отряд «Аль-Кудс», «которые помогали и помогают сирийским военным непосредственно на поле боя, но Иран всегда отрицал их участие в войне»¹¹.

В контексте «жесткого» компонента следует рассматривать и антитеррористические аспекты Ирана в его взаимодействии с некоторыми региональными организациями, например, ОДКБ и ШОС. В ШОС Иран имеет статус наблюдателя, что не препятствует развитию сотрудничества с ней в борьбе с терроризмом. На фоне активизации ИГ в Афганистане Иран начал сотрудничать с РАТС — главным антитеррористическим органом ШОС. Полноценное членство Ирана в ШОС, которое специалисты считают вопросом времени, может поспособствовать активизации совместных действий Ирана с членами этой организации в урегулировании афганского конфликта и уменьшении террористической угрозы¹².

Взаимодействие Ирана с ОДКБ, которое раньше ограничивалось совместными антинаркотическими операциями, сегодня больше тяготеет к «мягкому» измерению. С повышением угрозы распространения экстремистской идеологии и чрезвычайной киберактивности террористов стороны взаимодействуют в борьбе против распространения деструктивной идеологии, с каналами вербовки террористов и маршрутами передвижения боевиков. В 2015 г. Иран совместно с ОДКБ и Китаем договорились выработать совместные согласованные подходы на этом направлении [Джаббари Насир 2016].

¹⁰ Иран продолжит помогать Сирии и Ираку в борьбе с терроризмом. URL: <https://rg.ru/2016/05/30/iran-prodolzhit-pomogat-sirii-i-iraku-v-borbe-s-terrorizmom.html> (дата обращения: 25.08.2017).

¹¹ Вместо бомб — советники. Зачем Иран отправляет в Сирию своих военных // РИА Новости. 03.05.2017. URL: https://ria.ru/defense_safety/20170503/1493601540.html (дата обращения: 15.12.2017).

¹² Членство Ирана в ШОС — лишь вопрос времени // ParsToday, 27.02. 2016. URL: <http://parstoday.com/ru/news/iran-i13414> (дата обращения: 12.06.2018).

Таким образом, можно сказать, что использование силовых или преимущественно силовых методов воздействия на терроризм остается важным элементом иранского подхода к борьбе с терроризмом на современном этапе. Данный аспект иранского подхода к борьбе с терроризмом реализуется как на основе односторонних шагов Ирана (внутренняя борьба с терроризмом и его финансовыми источниками), так и на уровне двустороннем и в рамках международных организаций. В этом контексте мы становимся свидетелями не только активной, но и открытой вовлеченности Ирана в борьбу с международным терроризмом за пределами иранской территории. В перспективе такая вовлеченность требует и использования «мягких» инструментов. Хотя соотношение между этими двумя аспектами не определено каким-нибудь единым документом, на основе анализа практических шагов Ирана можно говорить об активном использовании этим государством и несиловых методов в борьбе с терроризмом.

НЕСИЛОВЫЕ АСПЕКТЫ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ИРАНА: «МЯГКАЯ СИЛА» И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Иран, как отмечалось, в борьбе с терроризмом помимо компонентов «жесткой силы» прибегает к использованию «мягких» инструментов, которые направлены на подрыв привлекательности идеологии террористов, на *делегитимацию* и *деконструирование* экстремистских нарративов. В настоящей статье авторы рассматривают в качестве несилового компонента антитеррористического подхода Ирана «мягкую силу» и публичную дипломатию. Под «мягкой силой» понимается привлекательность страны, опирающаяся на культуру, политические ценности, принципы внешней политики [Нуе 2008]. Публичная дипломатия рассматривается как инструмент «мягкой силы», как система взаимодействий одного государства с использованием культурных, научно-образовательных, информационных и других инструментов для формирования поддержки своей внешней политики в обществе другого государства.

Говоря о совокупном потенциале «мягкой силы» Ирана на современном этапе, можно выделить следующие факторы:

— региональное влияние Ирана с учетом геополитических и геоэкономических факторов;

— распространение языка и литературы на территории Ближнего Востока и Центральной Азии [Курылев, Никулин, Гончарова 2017];

— идеология Исламской революции и институционализированный бренд политического ислама;

— постоянно декларируемая готовность к защите «обездоленных» всего мира и апеллирование к принципу справедливости, который, по мнению некоторых специалистов, в шиитском исламе «стоит выше любого разделения мира на мусульман и немусульман» [Чикризова 2017];

— авторитет и влияние иранских богословов среди шиитов региона и мира [Малекзаде 2015];

— независимая внешняя политика, провозглашение политики борьбы за справедливость и права угнетенных народов мира [Юртаев 2018; Леонова 2014].

Однако в контексте нашей темы важен именно тот потенциал «мягкой силы» Ирана, который при помощи публичной дипломатии можно задействовать в качестве инструмента антитеррористической борьбы. И здесь речь идет об определенном переосмыслении стратегии классической публичной дипломатии с меньшим акцентом на принцип «*любите нас*» и большим — на проекты, которые напрямую конструируют индивидуальное мышление людей и затрагивают их жизни¹³. Публичная дипломатия в таком контексте, выражаясь языком известного британского специалиста М. Леонарда, отходит от *конкурентной* модели и становится инструментом *кооперации*, средством достижения общей цели [Leonard et al. 2002], если в качестве таковой мы рассматриваем победу над идеологией экстремизма и терроризма. Но о такой *общности цели* в контексте ближневосточного региона говорить, к сожалению, не приходится. Механизмы публичной дипломатии всех вовлеченных акторов в регионе функционируют в условиях жесткой конкурентной борьбы — не с терроризмом, а в большей степени друг с другом. Видимо, не до конца осознается опасность современных террористов, которых Дж. Най называет «новыми варварами», сравнивая их с теми варварами, которые когда-то разрушили Римскую империю [Nye 2004]. И, конечно, в таких условиях выиграть битву с радикалами за «*умы и сердца*» населения региона становится крайне сложным как Ирану, так и другим вовлеченным в региональные дела государствам [Torfeh 2017].

В этом контексте отметим и концепцию «экспорта Исламской революции», устаревшее внешнее представление о которой до сих пор не только ограничивает возможности публичной дипломатии Ирана — в том числе в ее антитеррористическом измерении, но и дает противникам Ирана повод обвинять его в покровительстве терроризму и насильственном распространении идей исламской революции. Действительно, политика «экспорта Исламской революции» является одним из главных направлений иранской внешней политики, но такой экспорт, как призывал основатель Исламской Республики Р.М. Хомейни, должен осуществляться с помощью *слов* (пропаганда), а не *меча* [Бахриев, Джаббари Насир 2017: 194—216]. Аналогичную идею недавно высказал и нынешний президент Ирана Х. Рухани в своем выступлении на 72-й сессии Генассамблеи ООН¹⁴. Несмотря на важность названной концепции во внешней политике Ирана, сегодня эта страна больше руководствуется соображениями прагматизма. Да и сама концепция во многом стала интерпретироваться как «экспорт исламской *культурной* революции». Р.М. Хомейни говорил, что политику «экспорта революции» не стоит воспринимать как покорение стран; такая политика всего лишь «ставит перед собой цель довести до сведения всех людей на земле правду о революции Ирана и ознакомить с ее принципами» [Дружиловский 2017]. К реализации данной

¹³ Seib P. Public Diplomacy and Counterterrorism // Huffington Post. URL: http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/public-diplomacy-and-cout_b_719242.html (accessed: 21.06.2018).

¹⁴ Выступление президента Ирана Х. Рухани на 72-й сессии Генассамблеи ООН, 20.09.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=by0PXLspbhA> (дата обращения: 15.05.2018).

политики Иран сегодня подключает различные религиозные и духовные сети трансграничного характера. На практике они не только служат для формирования общественной поддержки иранской внешней политики в сопредельных государствах, но и являются потенциалом «мягкой силы» Ирана, который может быть задействован в борьбе с религиозным терроризмом и экстремизмом.

Так, одним из важных «мягких» инструментов Ирана в борьбе с радикальными идеологиями в регионе является авторитет и влияние известных шиитских богословов. Специалисты часто называют имя видного иракского теолога иранского происхождения аятоллы Али Систани, последователи которого проживают не только в Ираке и Иране, но и в других странах региона. Его относят к тем религиозным деятелям, которые «могут найти спасительный баланс в тяжелой современной ближневосточной ситуации и деятельность которых может привести к возвращению в этот регион стабильности и необходимого развития» [Филин, Пилоян 2015]. Пользуясь большим авторитетом в обществе, религиозных и политических кругах Ирака, А. Систани регулярно выступает за единство мусульман, предупреждая об опасности экстремистской идеологии. Его фетвы обладают значительным мобилизационным эффектом. Например, в 2014 г. изданная им фетва, в которой тот призвал к джихаду против ИГ, снял многие политические и военные противоречия борьбы с терроризмом в Ираке, способствуя формированию более надежного фронта против террористов. Авторитетные богословы вроде А. Систани, которые связаны с Ираном происхождением или образованием, дают Ирану хороший «мягкий» инструмент в борьбе с радикальной идеологией террористов [Никравеш, Джафари 2016].

Потенциал и практическое применение Ираном своих культурных, религиозных и научно-образовательных институтов в борьбе с терроризмом тоже вызывает интерес. В этом деле большую роль играет Организация исламской культуры и связей Ирана (ОИКС)¹⁵. В контексте борьбы с терроризмом отмечаем два направления ее деятельности:

1. Деятельность в сфере межрелигиозного и межкультурного диалога

В противовес идеологии такфиристских группировок, выступающих против любых межрелигиозных диалогов, ОИКС свою задачу видит в поддержании такого диалога, способного привести к взаимопониманию и формированию основы для предотвращения насильственных действий в отношении представителей иной религии и культуры. Созданный по инициативе ОИКС Центр диалога между религиями и цивилизациями выпускает научный журнал «Диалог» и организует конференции по вопросам межрелигиозного взаимодействия. В 2017 г. данный центр провел в Сербии форум «Христианство, Ислам и мир без насилия» и две международных научные конференции в Ираке и Сирии на темы «Такфир и экстремизм» и «Воспитательные, образовательные, религиозные идеи в борьбе с террористической идеологией»¹⁶.

¹⁵ Цели и задачи ОИКС. URL: <http://icro.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=261&pageid=32272> (дата обращения: 15.05.2018).

¹⁶ ОИКС. URL: <http://www.icro.ir/> (дата обращения: 15.05.2018).

2. Деятельность по сближению течений ислама

Этим вопросам занимается созданная в 1990 г. ОИКС Всемирная ассамблея по сближению исламских мазхабов (течений). Ассамблея занимается организацией международных конференций и другими формами пропаганды примирения исламских мазхабов. Ежегодно проводится Международная конференция по исламскому единству. Ассамблея выпускает 4 журнала, имеет учебный Университет исламских мазхабов и свой научно-исследовательский центр, работающий над интеграцией различных мусульманских религиозно-правовых школ¹⁷.

Следует упомянуть и работу Всемирной ассамблеи исламского пробуждения. Данный формат диалога используется Ираном не только для позиционирования себя как защитника ценностей ислама, поборника угнетенных народов. Конференция собирает религиозных деятелей разных ветвей ислама, создает общую площадку для диалога и обмена мнениями в деле борьбы с деструктивной идеологией исламистских группировок. Тематика последних встреч была связана с событиями на Ближнем Востоке, участники мероприятия старались «показать истинное лицо ислама, к которому не относятся экстремисты»¹⁸.

Иран активно организывает международные конференции высокого уровня по проблематике терроризма. Такие диалоговые форматы действительно важны, поскольку в их рамках можно выработать концептуальную основу действенного механизма борьбы с терроризмом в нынешних инфокоммуникационных условиях, и террористы сами успешно пользуются таким форматом для распространения своих нарративов. Такой механизм должен опираться на активную контрпропаганду — на факты нестыковок в идеологии радикалов и массовых жертв среди мусульманского населения в результате терактов [Веселовский 2010].

Важной является и роль иранских образовательных структур — духовных школ и университетов — в борьбе с радикальной идеологией террористов. Самые влиятельные шиитские теологи в основном являются выпускниками иранских религиозных школ. Из образовательных институтов приведем пример Международного университета «Аль-Мустафа», который видит свою задачу в *интеллектуализации, иммунизации и социализации* ислама, и, как отмечают специалисты, благодаря такой постановке приоритетных целей в Иране практически преодолены проблемы, «порождающие терроризм, а именно проблемы, конкретно связанные с деинтеллектуализацией, радикализацией и политизацией Ислама»¹⁹. Имея филиалы в более 60 странах мира, в которых обучаются студенты примерно 100 национальностей, деятельность «Аль-Мустафа» способствует не только популяризации иранского образования (в основном философско-религиозного), но и борьбе с вредоносной идеологией радикального исламизма и политизацией данной религии.

¹⁷ Всемирная ассамблея по сближению исламских мазхабов. URL: <http://taghrib.com> (дата обращения: 12.03.2017).

¹⁸ Заседание Всемирной ассамблеи исламского пробуждения в Багдаде // Сайт Совета Муфтиев России. 24 октября 2016. URL: <http://muslim.ru/articles/287/16329/> (дата обращения: 12.03.2017).

¹⁹ Почему голос Ирана все громче звучит в суннитском мире // Фонд поддержки исламской культуры и образования. 03.04.2015. URL: <http://www.islamfund.ru/news-view-2545.html> (дата обращения: 23.02.2017).

В современных реалиях деятельность института публичной дипломатии сложно представить без информационных инструментов. Особенно, когда террористы научились так умело пользоваться этими инструментами, что даже ведущие страны, такие как США, временами уступают им по эффективности своей информационной деятельности [Цветкова 2017]. Иран в этом деле активно использует ресурсы медиа-дипломатии. Арабоязычный телеканал Al Kawthar TV, направленный на аудиторию Ближнего Востока и Северной Африки, предлагает религиозно-культурные программы и освещает политические дискуссии [Pahlavi 2012]. Телеканал Al-Alam больше направлен на противодействие политическому влиянию Саудовской Аравии в регионе, хотя изначально был создан в 2003 г. во время американской интервенции в Ираке и считался информационным инструментом в конкурентной борьбе с США за «умы и сердца» иракского общества, а также Ливана и Палестины²⁰.

В формировании положительного образа ислама и осуждении актов насилия от имени этой религии иранцы используют и возможности Интернета, где свои страницы имеют не только государственные ведомства, но и первые лица государства. Со своих страниц в неформальной форме они общаются с огромной внутренней и внешней аудиторией. Так, после террористической атаки в Париже в ноябре 2015 г. интернет-страница Высшего руководителя Ирана распространила его письмо, адресованное молодежи Запада, в котором тот называет терроризм «общей болью», подчеркивая страдание и мусульман от этой опасности. Задавая вопрос, «как могли из самой нравственной и гуманной религиозной школы мира, которая в своем основополагающем положении приравнивает убийство одного человека к уничтожению всего человечества, появиться такие отбросы, как ИГ?», он призывает молодежь западных стран к правильному пониманию ислама, к взаимоуважению, основанному на историческом опыте²¹.

Безусловно, «мягкие» инструменты в борьбе с терроризмом не могут привести к физической ликвидации данного явления, однако они способны подорвать поддержку терроризма, нивелировать привлекательность его идеологии и препятствовать физическому пополнению рядов террористических группировок. Названные нами несиловые аспекты антитеррористической стратегии Ирана сложно оценивать с точки зрения их эффективности, впрочем, как и в случае с аналогичными стратегиями других стран. Однако можно сказать с уверенностью, что эти инструменты не оказываются вне иранского арсенала борьбы с терроризмом, что является демонстрацией относительно комплексного подхода Ирана к борьбе с терроризмом.

²⁰ Dajani J. The Arab Media Revolution // PBS Frontline / World, 27.03.2007. URL: <http://www.jamaldajani.com/articles.html> (accessed: 21.06.2018).

²¹ Письмо Высшего руководителя ИРИ Али Хаменеи молодежи западных государств, 29.11.2015. URL: http://russian.khamenei.ir/index.php?option=com_content&task=view&id=1226&Itemid=66 (дата обращения: 24.04.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для борьбы с международным терроризмом на современном этапе использования одной только «жесткой силы» недостаточно, а чрезмерное ее применение может обернуться мощной пропагандистской кампанией террористов против тех, кто такую силу использует. Все это при отсутствии контрмер и присутствии комплекса социально-экономических и политических проблем может привести к повышению привлекательности идеологии радикалов. На этом фоне актуальным становится вопрос использования несилowych инструментов на данном направлении.

Иран остается активным игроком на антитеррористическом фронте, однако говорить о четкой антитеррористической стратегии этой страны, где учитывались бы особенности использования «жестких» и «мягких» инструментов, пока не приходится. Силовой компонент антитеррористического подхода Ирана явно преобладает, как и в случае с другими странами. Активное силовое участие в решении сирийского кризиса и поддержка различных группировок, которые борются с терроризмом в Сирии и Ираке, говорит о решительности Ирана искоренить это опасное явление. В краткосрочной перспективе можно спрогнозировать еще большую силовую вовлеченность Ирана в антитеррористическую борьбу на сопредельных территориях, а также расширение форматов двустороннего и многостороннего сотрудничества на этом направлении.

Однако силой можно уничтожить террористов, а их идеи все равно будут «живы» и находить сторонников. Это требует активной работы в «мягком» измерении антитеррористической борьбы с использованием культуры, науки, образования и информационной работы. У Ирана такая работа в основном направлена на формирование позитивного образа ислама, нивелирование радикально-буквалистского понимания коранических догм, на демонстрацию опасности идеологии религиозного экстремизма и на межрелигиозный диалог. Можно полагать, что Иран будет еще активнее работать в этом деле, используя ресурсы своей публичной дипломатии. Однако здесь многое зависит от геополитических факторов, от отношения регионального окружения Ирана, инициативы и «мягкие» шаги которого часто наталкиваются на сопротивление региональных и внерегиональных геополитических соперников. В такой высококонкурентной среде борьба с терроризмом в ее «мягком» измерении часто отходит на второй план, а верх берет классическая пропаганда, направленная друг против друга. Таковы нынешние реалии турбулентного ближневосточного региона. Когда такая ситуация изменится — остается вопросом открытым, а террористы тем временем все это видят и пользуются.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахриев Б.Х., Джаббари Насир Х.* Публичная дипломатия во внешней политике Исламской Республики Иран // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. С. 194—216.
- Веселовский С.С.* Цели и идеологическое обоснование глобального терроризма // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С.152—159.

- Джаббари Насир Х.* Отношение исламских институтов к борьбе с международным терроризмом // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 42—59. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-42-59.
- Джаббари Насир Х.* Потенциал Ирана в борьбе с международным терроризмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 665—676. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-665-676.
- Дружиловский С.* Трансформация внешнеполитического курса Ирана // Обозреватель — Observer. Март 2017. № 3 (326). С. 25—35.
- Курьев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А.* «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46—55. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55.
- Леонова О.Г.* «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель—Observer. 2014. № 3. С. 18—28.
- Малекадзе М.* «Мягкая сила» Ирана в региональном контексте // Сияате мотаалие. 2015. № 11. С. 133—154 (на перс. яз.).
- Никравеш М., Джафари А.А.* Роль марджае таклид и иракских богословов в повышении «мягкой силы» ИРИ // Моталеате сиясие джахане ислам. 2016. № 18. С. 105—138 (на перс. яз.).
- Сахраян М.* Исследование по отмыванию денежных средств в Иране // Маджлес ва рахборд. 2004. № 37. С. 337—368 (на перс. яз.).
- Филин Н.А., Пилюян М.Г.* Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Власть. 2015. № 2. С. 133—137.
- Хаджиюсефи А., Багери А.* Вопросы выработки стратегии национальной безопасности ИРИ // Данеше сияси. 2011. № 2. С. 69—97 (на перс. яз.).
- Цветкова Н.А.* США — ИГИЛ: информационное противостояние // Азия и Африка сегодня. 2017. № 2. С. 2—7.
- Чикризова О.С.* Дихотомия «обездоленные — высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 279—289. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-279-289.
- Юртаев В.И.* Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018.
- Leonard M., Stead C., Smewing C.* Public Diplomacy. London: The Foreign Policy Centre, 2002.
- Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. N 1. P. 94—109. DOI: 10.1177/0002716207311699.
- Nye J.* Soft Power and the Struggle against Terrorism // Project Syndicate, Apr. 21, 2004. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/soft-power-and-the-struggle-against-terrorism> (accessed: 05.09.2018).
- Pahlavi P.* Understanding Iran's Media Diplomacy // Israel Journal of Foreign Affairs. 2012. Vol. 6. N 2. P. 21—33.
- Torfeh M.* The Role of Iran's Regional Media in its Soft War Policy. Al Jazeera Centre for Studies. 16 February 2017. URL: http://studies.aljazeera.net/mritems/Documents/2017/4/9/de4a4f02558e40a9ada8948554fec007_100.pdf (accessed: 21.09.2018).

Дата поступления статьи: 10.11.2018

Для цитирования: *Джаббари Насир Х., Бахриев Б.Х.* Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: «жесткие» и «мягкие» элементы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 823—836. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-823-836.

Сведения об авторах: Джаббару Насир Хасан — кандидат политических наук, научный сотрудник Национального института социокультурных проблем ИРИ (e-mail: hjabbarinasir@gmail.com).

Бахриев Бахри Хуршедович — аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России (e-mail: mr.bahriev29@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-823-836

Iran's Contemporary Anti-Terrorism Approach: “Hard” and “Soft” Elements

H. Jabbari Nasir, B.Kh. Bahriev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with “hard” and “soft” elements of Iran's contemporary anti-terrorism approach. The authors state that fighting against terrorism today demands a comprehensive approach, and though force-based approach has always prevailed over “soft” tools in realization of anti-terrorist strategies of states, in modern world realities without a psycho-ideological component combating terrorism does not seem to succeed. A balanced universal model of using these two components does not exist, as everything in this context depends on specifics of a country or a region. But the need for considering “soft” aspects becomes more relevant.

Iran is an active player in combating international terrorism, though it does not have a unified document or specific strategy with defined “hard” and “soft” tools of anti-terrorism fight. The force-based element of Iran's counter-terrorism approach at the present stage obviously prevails over the non-power-based. The country's active military involvement in solution of the Syrian crisis, supporting military groups, which fight against radical element in the region and tough policy towards drug traffic is an important source of income for extremist factions, proves the matter.

“Hard power” approach in fighting against terrorism leads to physical extermination of terrorists, however, consideration of the survival of their ideas in modern info-communications century reveals the significance of the issue of “soft” instrument use in anti-terrorism strategy. In fight against terrorism in this dimension, Iran resorts to “soft power” and public diplomacy. The cultural, religious and scientific potentials as well as educational institutes and information resources are actively utilized to construct a correct understanding of Islam and its positive image, to delegitimize and deconstruct narratives of radical Islamists.

Key words: terrorism, religious extremism, fight against terrorism, counter-terrorism instruments, “soft power” and public diplomacy, Iran's anti-terrorism approach, “soft power” in combating terrorism, public diplomacy in fight against terrorism, soft power of Iran, public diplomacy of Iran

REFERENCES

- Bakhriev, B.Kh. & Jabbari Nasir, H. (2017). Public diplomacy in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran. In: *Public Diplomacy: Theory and Practice*. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: Aspekt Press. P. 194—216. (in Russian).
- Chikrizova, O.S. (2017). “Oppressed — oppressors” Dichotomy in Shi'ite Perception of International Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(2), 279—289. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-279-289. (in Russian).
- Druzhilovskij, S.B. (2017). Transformation of Iran's Foreign Policy. *Observer*, 3, 25—35. (in Russian).
- Filin, N.A. & Piloyan, M.G. (2015). Ayatollah Ali Sistani: New Opportunities of the Old School of the Shiite Religious Mentoring. *Vlast'*, 2, 133—137. (in Russian).

- Hajiyusefi, A. & Bageri, A. (2011). Issues of Developing a National Security Strategy for Iran. *Daneshe siyasi*, 2, 69—97. (in Persian).
- Jabbari Nasir, H. (2016). Iran's Potential in Fighting International Terrorism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(4), 665—676. (in Russian).
- Jabbari Nasir, H. (2017). Islamic Institutions Approach toward Combating International Terrorism. *Comparative politics, Russia*, 8(4), 42—59. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-42-59. (in Russian).
- Kurylev, K.P., Nikulin, M.A. & Goncharova, A.A. (2017). The “Soft power” of Cultural Diplomacy of the Islamic Republic of Iran. *Vestnik MGOU. History and Political Science*, 2, 46—55. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55. (in Russian).
- Leonard, M., Stead, C. & Smewing, C. (2002). *Public Diplomacy*. London: The Foreign Policy Centre.
- Leonova, O.G. (2014). “Soft power”: Tools and Influence Coefficients. *Observer*, 3, 18—28. (in Russian).
- Malekzadeh, M. (2015). “Soft power” of Iran in a Regional Context. *Siyasate motaolie*, 11, 133—154. (in Persian).
- Nikravish, M. & Dja'fari, A.A. (2016). Role of Marjaye Taqlid and Iraqi Theologians in Enhancing the “Soft Power” of Iran. *Motaleate siyaside jahane islam*, 18, 105—138. (in Persian).
- Nye, J. (2004). Soft Power and the Struggle Against Terrorism. *Project Syndicate*, Apr. 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/soft-power-and-the-struggle-against-terrorism> (accessed: 05.09.2018).
- Nye, J. (2008). Public Diplomacy and Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 616(1), 94—109. DOI: 10.1177/0002716207311699.
- Pahlavi, P. (2012). Understanding Iran's Media Diplomacy. *Israel Journal of Foreign Affairs*, 6(2), 21—33.
- Sahraian, M. (2011). Iran Money Laundering Survey. *Majles ve rahbord*, 37, 337—368. (in Persian).
- Torfeh, M. (2017). *The Role of Iran's Regional Media in its Soft War Policy*. Al Jazeera Centre for Studies. February 16. URL: http://studies.aljazeera.net/mritems/Documents/2017/4/9/de4a4f02558e40a9ada8948554fec007_100.pdf (accessed: 21.09.2018).
- Tsvetkova, N.A. (2017). USA — ISIS: Information Confrontation. *Asia and Africa Today*, 2, 2—7. (in Russian).
- Veselovskij, S.S. (2010). Goals and Ideological Rationale of Global Terrorism. *Vestnik MGIMO University*, 6, 152—159. (in Russian).
- Yurtaev, V.I. (2018). *Islamization as a Factor of Iranian Foreign Policy*. Moscow: Aspekt Press publ. (in Russian).

Received: 10.11.2018

For citations: Jabbari Nasir, H. & Bahriev, B.Kh. (2018). Iran's Contemporary Anti-Terrorism Approach: “Hard” and “Soft” Elements. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 823—836. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-823-836.

About the authors: *Jabbari Nasir Hasan* — PhD in Political Science, Member of the Institute of Cultural and Social Studies of IRI (e-mail: hjabbarinasir@gmail.com).

Bahriev Bahri Khurshedovich — PhD student, World Politics Department, MGIMO University (e-mail: mr.bahriev29@gmail.com).